

УДК 341.222 (57)

*Kupreev A.A.
Kireev A.A.*

Европейская и дальневосточная границы России: две модели управления?¹

European and Far Eastern borders of Russia:
are they two models of management?

Статья посвящена сопоставлению интенсивности и факторов развития трансграничных отношений европейских и дальневосточных регионов РФ в 1990-е – 2000-е гг. В работе характеризуются нормативно-правовые и институциональные условия функционирования европейской и дальневосточной границ страны, а также рассматривается проблема соотношения его политических и неполитических факторов.

Ключевые слова: граница, пограничная политика, трансграничные отношения, российские регионы, ЕС, российский Дальний Восток, КНР, еврорегионы, СЭЗ, ПТЭК

The article is devoted to a comparison of the intensity and the factors of development of cross-border relations of the European and Far Eastern regions of Russia in the 1990s – 2000s. We characterized the legal and institutional conditions for the functioning of the European and Far Eastern borders of the country, as well as the problem of the relation of its political and nonpolitical factors.

Key words: border, border policy, cross-border relations, Russian regions, EU, Russian Far East, China, euroregions, free economic zone, border trade and economic complex

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в эволюции российских границ произошёл чрезвычайно важный и в полной мере не осмысленный до настоящего времени поворот. Быть может впервые в своей истории из военно-политического феномена, средства государственного контроля над пространством, они стали трансформироваться в явление, прежде всего, социально-экономической и социокультурной реальности, в один из мощнейших механизмов функционирования и развития общества. Новое понимание сущности национальной границы и изменившиеся критерии оценки её эффективности постепенно приводят власть и общество к осознанию того, что этот объект, представлявшийся ранее чем-то монолитным, в действительности имеет очень сложную и географически неоднородную структуру. Целостность «священных рубежей Родины» начинает распадаться на отдельные части, с весьма различным, далёким

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект «Разработка полидисциплинарного подхода к исследованию проблем безопасности в АТР в рамках инновационного направления антропологии международных отношений». 6.2263.2011.

друг от друга имиджем. Среди этого разнообразия вдруг обнаружившихся у России в последнее двадцатилетие границ¹, уже появились свои лидеры и аутсайдеры. Если отвлечься от некоторых дифференцирующих признаков и свести эту мозаику к основным географическим блокам, то полярные позиции на шкале общественной эффективности, безусловно, займут европейский (выходящий на страны ЕС) и дальневосточный (соприкасающийся в основном с КНР) сегменты российской границы. В настоящей работе я попытаюсь выявить ключевые особенности этих частей пограничного периметра России, которые обуславливают столь различное влияние последних на развитие прилегающих к ним российских регионов и страны в целом.

Наиболее очевидные различия европейской и дальневосточной границ касаются интенсивности их общественного использования, т.е. прежде всего объёмов пересекающих их потоков различных общественных ресурсов. Некоторое, пусть и очень приблизительное, представление об этой интенсивности даёт, например, сравнение данных о товарообороте России со странами ЕС и КНР. В предкризисном 2008 г. по своей стоимости товарооборот России с Европой превосходил её товарооборот с Китаем более чем в 6,7 раза². Ещё более значительный разрыв характеризует такие показатели трансграничного взаимодействия России с её основными западным и восточным партнёрами как объёмы взаимных инвестиций и миграционного обмена.

Показатели активности трансграничных отношений национального, общероссийского уровня включают в себя деятельность крупных государственных корпораций и не позволяют точно идентифицировать географические рамки описываемых транзакций. Поэтому значительно большей ценностью для выявления общественного эффекта конкретных участков национальной границы обладают статистические данные о трансграничных отношениях непосредственно прилегающих к этим участкам регионов³.

Различия в состоянии трансграничных отношений европейских и дальневосточных регионов⁴ России также более чем заметны. Так, если на 2007 г. объём трансграничной торговли европейских регионов РФ с сопредельными государствами ЕС определялся в 15,3 млрд. долл., то товарооборот дальневосточных регионов с Китаем оценивался в сумму не-

¹ Основной единицей дифференциации российской границы сегодня становятся диады (участки пограничного соприкосновения двух государств), что, конечно, не исключает возможности разделения её периметра для решения тех или иных аналитических задач на более мелкие или более крупные сегменты

² Рассчитано по [21; 22, с. 109]

³ Для описания отношений между регионами по разные стороны от государственной границы часто используют термин «приграничные отношения» («приграничное сотрудничество»). На мой взгляд, приграничными отношениями более корректно называть отношения между субнациональными субъектами (муниципалитетами или организациями), расположенными на приграничной территории (по российскому законодательству – в полосе глубиной не более чем в 25 км. от линии границы). Пересекающие же границу отношения между субъектами, расположенными за пределами приграничной полосы (или выходящими за её пределы), в т.ч. регионами (в России – субъектами федерации), следует называть «трансграничными».

⁴ Под европейскими регионами в данной статье понимаются 6 регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) – Республика Карелия, Мурманская, Ленинградская, Псковская и Калининградская области и г. Санкт-Петербург – непосредственно граничащие с государствами-членами ЕС – Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей. Общая протяжённость государственной границы между этими регионами и ЕС – почти 3200 км. Под дальневосточными регионами понимаются 4 региона Дальневосточного федерального округа (ДФО) – Приморский и Хабаровский края, Амурская и Еврейская автономная области – граничащие с КНР. Общая протяжённость границы между ними и КНР также около 3200 км.

многим более 4 млрд. долл. [5, с. 367; 25, с. 70]. Объем полученных в том же 2007 г. прямых иностранных инвестиций, достигавший в регионах европейского приграничья России 1449 млн. долл., в дальневосточных регионах составлял только 226 млн. долл. [10].

Столь выраженные различия в интенсивности трансграничных отношений европейских и дальневосточных регионов страны едва ли можно объяснить влиянием «большой» мировой политики. На межгосударственном уровне в 1990-е и 2000-е гг. отношения РФ и КНР развивались весьма благополучно и ровно. Тесное политическое сотрудничество двух государств, наиболее ярко воплощавшееся в их совместных демаршах против действий США и НАТО и в полной мере отвечавшее смыслу понятия «стратегическое партнёрство», для российско-китайских связей в неполитических сферах выступало скорее стимулирующим фактором. Напротив, отношения Москвы и Брюсселя в этот период неоднократно осложнялись острыми политическими кризисами – начиная от событий в Чечне и Югославии и до конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. Ещё большей сложностью и противоречивостью, чем отношения с Брюсселем, отличалось внешнеполитическое взаимодействие России с новыми восточноевропейскими членами ЕС, включая таких её прямых соседей как Эстония, Латвия, Литва и Польша.

Говоря о развитии трансграничных отношений РДВ, целый ряд отечественных исследователей обращает внимание на то неблагоприятное воздействие, которое оказывает на него государственное управление функционированием дальневосточного участка границы, осуществляемая в этом регионе (особенно в последнее десятилетие) пограничная (трансграничная) политика [2, с. 124-125; 9, с. 20; 15, с. 188; 24, с. 210-211]. Как отмечают эти исследователи, политика федерального центра в области создания нормативно-правовых и институциональных условий для трансграничного сотрудничества имеет скорее сдерживающий характер. Примечательно, что по сути той же точки зрения придерживаются и китайские авторы, пишущие о многочисленных административных препонах и о пассивности России в вопросе о дальнейшей либерализации трансграничных экономических отношений с Китаем [6, с. 192-195; 23, с. 28].

Слабость правовой и институциональной базы трансграничных отношений дальневосточных регионов действительно трудно отрицать. Хотя многие проблемы в этой сфере являются общегосударственными¹, институционально-правовые условия функционирования дальневосточной границы РФ особенно неблагоприятны. Международно-правовой основой сотрудничества на этой границе на сегодня служат российско-китайские межправительственные соглашения, подписанные главным образом ещё в 1990-е гг. Важнейшими среди них являются Соглашение о принципах сотрудничества между административными образованиями РФ и КНР от 10 ноября 1997 г. и Соглашение о пропуске граждан двух стран в расположенные на границе торговые комплексы от 2 июня 1999 г. [12, с. 171]. Появившиеся в рамках фактически уже не существующего политического режима², после перестройки федеративных отношений в России в первой половине 2000-х гг. эти соглашения в значительной мере утратили свою функциональность. В октябре 2009 г.

¹ Например, отсутствие специального федерального органа по вопросам трансграничного и приграничного сотрудничества и крайне затянувшийся процесс согласования и принятия проекта закона «О приграничном сотрудничестве».

² В изучаемом здесь аспекте режим 1990-х гг. нередко определяют как «либеральный федерализм». По моему мнению, состояние политической системы РФ этого периода корректнее рассматривать как практическую дезорганизацию федеративных отношений и их частичное замещение конфедеративными.

премьер-министрами РФ и КНР была подписана амбициозная «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (на 2009 – 2018 гг.)» [20]. Однако по прошествии двух лет после подписания этого юридически не обязывающего стороны документа его реализация всё ещё остаётся на начальной стадии [8, с. 172-177; 18].

В ещё более проблематичном состоянии находятся в настоящее время организационные механизмы трансграничных отношений дальневосточных регионов. В последние десятилетия институты приграничного и трансграничного сотрудничества на РДВ развивались в двух основных формах – свободных экономических зон (с 1990 г.) и приграничных торгово-экономических комплексов (с 1998 г.). Из 4 СЭЗ, образованных в дальневосточных регионах в изучаемый период, прежде всего, в расчёте на китайский бизнес, реально работающими (в плане регистрации предприятий и привлечения инвестиций), с некоторыми оговорками, можно признать две – микрзоны в гг. Находке и Уссурийске [12, с. 176; 16, с. 62-63]. Две другие СЭЗ, имеющие значительно больший территориальный масштаб, – «Ева» (в ЕАО) и «Туманган» (на стыке границ РФ, КНР и КНДР) до сих пор практически не функционируют. В конце 1990-х гг. на дальневосточной границе совместным решением российского и китайского правительств был создан ещё один тип институтов локального трансграничного сотрудничества – приграничные торгово-экономические комплексы (ПТЭК). Подобные комплексы были учреждены в районах пограничных переходов Хейхе-Благовещенск и Суйфунхе-Пограничный. Однако вследствие неурегулированности ряда юридических вопросов, а также непоследовательности политики российских властей на полную мощность инфраструктура этих двух ПТЭК всё ещё не задействована [2, с. 122-124].

В целом характерными особенностями существующих в дальневосточных регионах институтов трансграничного сотрудничества (СЭЗ и ПТЭК) являются их высокая зависимость от поддержки государства, локальность масштабов деятельности и преимущественно торговая направленность при довольно незначительной способности к привлечению иностранных технологий и инвестиций.

На фоне ситуации в дальневосточном приграничье, формирование правовой и институциональной базы европейского направления трансграничного сотрудничества происходило заметно динамичнее. Хотя основополагающим документом, определяющим рамки развития в т.ч. и трансграничного взаимодействия стран ЕС и европейских регионов РФ, до сего дня является Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Россией, подписанное ещё в 1994 г. (вступило в силу в 1997 г.), с начала 2000-х гг. в международно-правовую базу этого взаимодействия был внесён ряд важных дополнений. Так, в мае 2003 г. на саммите России и ЕС была принята «Концепция создания четырёх общих пространств» – экономического, пространства свободы, безопасности и правосудия, пространства внешней безопасности и научно-образовательного пространства. При этом, целью формирования важнейшего из них общего экономического пространства было поставлено достижение свободы перемещения между ЕС и Россией товаров, людей, услуг и капиталов. В мае 2005 г. стороны дополнили Концепцию конкретным среднесрочным планом совместных действий, утвердив по каждому из четырёх общих пространств соответствующую «дорожную карту» его построения [3, с. 284-285, 291-292; 7].

Несмотря на то, что сами документы, подписанные в первую половину 2000-х гг., носят характер деклараций о намерениях, они оказали значительное стимулирующее влияние на динамику трансгранич-

ных связей сторон. Такой эффект, на мой взгляд, во многом обусловлен тем, что упомянутые общие международные договорённости опираются на целый комплекс тесно связанных с ними внутренних нормативно-правовых актов ЕС и России различного уровня и типа. При этом, первенство в развитии собственной правовой базы трансграничного сотрудничества как согласованной системы нормативно-правовых актов – от общих положений (Европейская конвенция о приграничном сотрудничестве 1980 г.) до специализированных административных программ (таких как ТАСИС и ИНТЕРРЕГ в 1994 – 2006 гг. и ИЕСП с 2007 г.) – безусловно, принадлежит ЕС. Именно под воздействием европейского права в изучаемый период происходило формирование российского законодательства по вопросам трансграничного сотрудничества¹, что является одним из свидетельств той ведущей, инициативной роли, которую играет ЕС в данной сфере двусторонних отношений [7; 14, с. 50-53].

Относительно развитая, многоуровневая нормативно-правовая база трансграничного сотрудничества европейских регионов РФ создаёт благоприятную среду для активного институционального строительства, принимающего различные, как функциональные, так и территориальные, формы. В 1990-е гг. основным типом территориальных институтов трансграничного сотрудничества на европейской границе России, как и на дальневосточных рубежах, являлись СЭЗ. Они были образованы в Ленинграде, Выборге и Калининградской области [19, с. 366-369]. Самой успешной из этих СЭЗ оказалась крупнейшая на европейской границе страны зона беспощинной торговли (а с 2007 г. и туристско-рекреационная зона) [2, с. 196-197], занимающая территорию всего Калининградского анклава.

Вместе с тем, с конца 1990-х гг., под впечатлением от результатов региональной политики в ЕС, власти приграничных субъектов РФ начинают проявлять возрастающий интерес к такому новому институциональному формату сотрудничества как еврорегион. В действительности, под общим термином «еврорегион» скрывается широкий спектр разнообразных организационных механизмов трансграничной кооперации, развивавшихся в Европе с конца 1950-х гг. Ключевыми признаками еврорегионов, объединяющими все их возможные разновидности, с моей точки зрения, можно считать участие в их учреждении региональных или/и местных (муниципальных) властей двух и более сопредельных государств и наличие постоянных органов управления сотрудничеством, полномочных в пределах территории данного еврорегиона [13, с. 86-87; 19, с. 371].

Процесс формирования еврорегионов с российским участием стартовал в 1998 г., когда муниципальными образованиями Калининградской области вместе с приграничными муниципалитетами Дании, Литвы, Польши и Швеции был учреждён еврорегион «Балтика». К концу 2000-х гг. количество функционирующих на границе с ЕС еврорегионов достигло 9². Помимо Калининградской области в создании этих еврорегионов приняли участие местные и региональные власти Республики Карелия, Ленинградской и Псковской областей [13, с. 87; 14, с. 50; 17, с. 5]. Несмотря на многие (обусловленные, как правило, дипломатическими трениями между Москвой и Брюсселем) трудности в развитии трансграничных институтов этого типа [14, с. 52-55], они быстро наполняются проектным содержанием и уже успели продемонстрировать свою достаточно высокую эффективность. Как отмечают специалисты, появ-

¹ Наиболее значимым примером подобного воздействия служит ратификация РФ в 2002 г. упомянутой Европейской конвенции о приграничном сотрудничестве 1980 г.

² Не считая таких макрорегионов, по сути транснационального типа, как Баренц-регион.

ление на границе РФ и ЕС еврорегионов не только способствует оживлению различных трансграничных потоков и решению конкретных социальных и экономических проблем приграничных российских регионов¹, но и создаёт предпосылки для модернизации отраслевой структуры их экономики [2, с. 110-116].

В целом, институты трансграничного сотрудничества в европейских регионах РФ, в отличие от дальневосточных, характеризует активное участие в их создании и развитии местных и региональных властей, сравнительно крупные территориальные размеры, а также многопрофильность, пригодность для организации не только всех основных форм социально-экономического, но и социокультурного взаимодействия сторон.

Таким образом, расхождение в нормативно-правовых и институциональных условиях трансграничных отношений на дальневосточной и европейской границах России действительно весьма значительно и это, конечно, не может не оказывать влияния на их интенсивность. Однако, в чём заключается причина этих различий? Как уже отмечалось, многие исследователи связывают неблагоприятность условий развития сотрудничества на дальневосточных рубежах страны с целенаправленными действиями федерального центра, озабоченного усилением своего контроля над особенно удалённой и строптивой окраиной. С этой точки зрения, политика барьеризации дальневосточной границы предстаёт как вполне закономерная часть общего этатистского курса, принятого Москвой с начала 2000-х гг. и нашедшего выражение не только в укреплении государственного суверенитета и безопасности во внешней сфере, но и во внутренней рецентрализации. Сторонники этого подхода считают 1990-е гг., когда деятельность региональных и местных властей РДВ в наименьшей мере стеснялась федеральными структурами, своего рода минувшим «золотым веком» трансграничного сотрудничества.

Однако, при ближайшем рассмотрении логика данного подхода не кажется столь уж однозначной. Даже если согласиться с мнением, что курс на централизацию в 2000-е гг. проводился Москвой особенно жёстко именно на РДВ, может ли эта большая степень жёсткости объяснить выявленные выше, качественные по своей сути, правовые и институциональные отличия дальневосточных рубежей, а тем более их многократное отставание от европейской границы в интенсивности трансграничных потоков? Остаётся неясным и то, почему развитие трансграничного сотрудничества европейских регионов РФ заметно ускорилось как раз в 2000-е гг., т.е. в период путинской централизации, пусть и протекавшей (предположительно) в этой части страны в неких смягчённых формах.

Не проясняет, но скорее ещё больше запутывает проблему, парадоксальное в свете вышесказанного и не получившее необходимого авторского истолкования суждение такого авторитетного специалиста как Л.Б. Вардомский, указавшего в заключении к своей недавней монографии: «Централизация власти в России улучшила политические условия сотрудничества с Китаем и странами Центральной Азии, но ухудшила – с ЕС и странами европейского фланга СНГ» [2, с. 211]. Если признать правоту этого суждения, то оно, в конечном счёте, приводит нас к выводу (который, насколько можно судить, противоречит убеждению Л.Б. Вардомского), что итоговый эффект, оказываемый централизацией на динамику трансграничного сотрудничества, довольно незначителен.

На мой взгляд, трудности в объяснении особенностей функционирования региональных сегментов российской границы обусловлены

¹ Типичными проблемами, которые успешно решаются в данном формате, являются вопросы модернизации пунктов пропуска, обновления транспортной и информационной инфраструктуры, защиты природной среды и ряд других.

чрезмерной сфокусированностью внимания исследователей на его собственно политическом факторе, а точнее на некой самодовлеющей и мифологизированной в своём могуществе воле федерального центра, Москвы. Не стоит забывать, что при всей значимости этого фактора (хотя бы в виду его активной природы), его влияние на функционирование границы во многом лимитируется и даже определяется действием других, гораздо более мощных объективных сил. Среди этих других, труднопреодолимых для любой власти, факторов, обуславливающих, так или иначе, и интенсивность трансграничных отношений, и нынешний порядок государственного управления дальневосточной границей, необходимо напомнить, по крайней мере, о двух.

Первый из них состоит в сравнительно низком уровне социально-экономического развития дальневосточных регионов России. Так, по показателю плотности населения регионы южной части ДФО уступают регионам СЗФО примерно в 1,8 раза (соответственно 4,6 и 8,2 чел. на км²), а по показателю экономической плотности (ВРП на единицу площади) – ровно в 2 раза (279,3 и 558,6 тыс. руб. на км²).¹ [1, с. 50]. Слабые заселённость и освоённость дальневосточных регионов выступают фундаментальными ограничителями для повышения интенсивности трансграничных отношений и служат косвенными препятствиями на пути развития их правовой и институциональной базы.

Вторым из упомянутых факторов является наличие глубоких и комплексных общественных различий между дальневосточными регионами и сопредельными регионами КНР (Северо-Востоком Китая). Конечно, в такой общей формулировке о существовании данного фактора можно говорить и применительно к границе РФ со странами ЕС. И на западе, и на востоке Россия граничит сегодня с соседями, обладающими значительно большим социально-экономическим и, в конечном счёте, геополитическим потенциалом. Тем не менее, на этом общем тревожном фоне ситуация на дальневосточных рубежах выглядит особенно драматично. Превосходство общественного потенциала ЕС проявляет себя главным образом в «экспансии» капиталов, технологий и информации, отечественных альтернатив которым зачастую просто не существует. Кроме того, разница потенциалов ЕС и РФ сглаживается относительной децентрализованностью и высокой институционализированностью трансграничного сотрудничества со стороны Европы, а также цивилизационной близостью партнёров. Превосходство же Китая выражает себя скорее в переливе товаров и рабочей силы, который повышает конкурентное давление на соответствующих рынках РДВ и тем самым вызывает не только позитивные, но и негативные социальные последствия. При этом, в лице провинций Северо-Востока Китая, трансграничным контрагентом дальневосточных регионов России выступает централизованное авторитарное государство и сравнительно однородное общество, обладающее выраженным культурно-цивилизационным своеобразием. Подобные глубина и характер общественных различий сторон трансграничного взаимодействия на дальневосточной границе определяют более высокий уровень свойственных ему объективных рисков. Эта особенная рисковость трансграничных отношений с КНР отражается (зачастую в форме фобий) в сознании местного населения и политической элиты. Следует заметить, что именно они, а отнюдь не федеральный центр, ещё во второй половине 1993 г. инициировали процесс барьеризации российско-китайской границы [11, с. 302-304, 347-348].

¹ Данные на 2004 г. Поскольку приграничные регионы СЗФО в целом занимают в нём лидирующее место по социально-экономическим показателям, их превосходство по этим показателям над дальневосточными регионами является, судя по всему, ещё более значительным.

Признание решающего значения названных факторов приводит к выводу о том, что главным направлением эффективной активизации трансграничного сотрудничества дальневосточных регионов должна быть не прямая либерализация его правовой и институциональной базы, но его косвенное стимулирование через подталкивание внутреннего развития, заселения и индустриализации РДВ. Активизацию трансграничных потоков необходимо рассматривать скорее не как предпосылку, а как следствие собственного развития РДВ. Пограничная политика должна формироваться как продолжение политики региональной, в тесной связи с разработкой и реализацией программ освоения региона. При этом, поскольку на обозримую перспективу государство, т.е. федеральный центр, будет оставаться основным мотором регионального развития, оно должно играть адекватную этому роль и в трансграничных отношениях дальневосточных субъектов федерации.

Исходя из сказанного, следует согласиться с теми [25 с. 75], кто считает неприемлемым непосредственное применение модели трансграничного сотрудничества, апробированной на границе РФ и ЕС, к дальневосточным рубежам. Более того. Ситуации на различных участках периметра российской границы так непохожи, что РФ по существу необходимы несколько разных региональных пограничных политик со своим специализированным правовым и институциональным инструментарием. О том, что такая дифференциация вполне возможна, говорит становление в последние годы особой политики управления функционированием границ России с государствами-членами ЕврАзЭС. Отталкиваясь от европейского опыта в данной области, эта политика даёт ему новую, адекватную региональным условиям, интерпретацию¹. В разработке собственного варианта (модели) российской пограничной политики нуждаются и дальневосточные регионы страны. Эта необходимая им модель должна обеспечивать интенсификацию трансграничного сотрудничества в условиях объективно сопряжённых с ним высоких рисков при ведущей, регулирующей и протекционистской, роли в нём государства. Её инструментарий должен опираться не только на идеологию и практику пограничной и трансграничной политики ЕС, но и на опыт (в т.ч. негативный), накопленный самими дальневосточными регионами, а также на до сих пор незаслуженно игнорируемые российскими властями достижения в этой сфере китайских партнёров.

Литература

1. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
2. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
3. Внешняя политика и дипломатия Российской Федерации. Учебник / Пред. ред. совета А.Н. Панов. М.: Восток-Запад, 2010. 752 с.

¹ Примером подобной интерпретации может служить появление в законодательстве ЕврАзЭС такого понятия как «евразия-регион» [4, с. 66].

4. Вовенда А.В., Плотников В.А. Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 60-68.

5. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Науч. ред. А.Б. Волынчук. Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. 626 с.

6. Гуань Гуйхай. Негативные факторы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией и пути их устранения // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 189-199.

7. ЕС и Россия: политические отношения // Представительство ЕС в России [сайт]. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/political_relations/index_ru.htm [Дата обращения: 28.04.2012 г.]

8. Изотов Д.А., Суслов Д.В. Пока только намерения: первые итоги реализации программы сотрудничества между восточными регионами России и Северо-Востоком КНР (2009–2018 гг.) // ЭКО. 2011. № 3. С. 160-178.

9. Изотов Д.А., Юн С.Е. Приграничное сотрудничество как объект исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4. С. 8-21.

10. Инвестиции в России. 2009 г. // Федеральная служба государственной статистики. [сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_56/Main.htm [Дата обращения: 20.04.2012 г.]

11. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.

12. Костюнина Г.М., Баронов В.И. Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) // Вестник МГИМО. 2011. № 2. С. 169-178.

13. Кошелев В. Еврорегион «Балтика» // Космополис. 2008. № 2. С. 86 – 90.

14. Кузнецов А.В. Перспективы еврорегионов с российским участием с учётом новаций региональной политики ЕС // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 49 – 57.

15. Миркасымов Б.З. Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 185-189.

16. Моисеева Л.А. Создание на Дальнем Востоке России совместных предприятий с предпринимателями стран АТР в 1985 – 2000 гг. // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 58-70.

17. Московкин В.М. Методы анализа и инструменты трансграничной кооперации // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 3. С. 2-8.

18. На Сахалине прошло заседание по реализации Программы сотрудничества между РФ и КНР. 13.09.2011 // Строительный комплекс Азиатско-Тихоокеанского региона [сайт]. URL: <http://skatr.ru/polpred-provel-v-yuzhno-sakhalinske-zasedanie-po-realizatsii-programmy-sotrudnichestva-mezhdu-rossiei-i-knr> [Дата обращения: 20.04.2012 г.]

19. Основы регионоведения. / Под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007. 399 с.

20. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 – 2018 гг.) // Иркутская область. Представительство в Китае: [сайт]. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc> [Дата обращения: 5.03.2011 г.]

21. Статистика внешней торговли и инвестиций Россия-ЕС // МЭРТ РФ [сайт]. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9bd04e80411b9c4d8b379bf4d7f47117/ru_eu_statistic.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=9bd04e80411b9c4d8b379bf4d7f47117 [Дата обращения: 5.04.2012 г.]

22. Страны Северо-Восточной Азии в начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2011. 245 с.

23. Сюй Хунфэн. Цветные революции и эволюция отношений в треугольнике Китай – Россия – США // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 20 – 29.

24. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / Науч. ред.: П.Я. Бакланов, М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.

25. Чеботарев Б.А. Приграничное торгово-экономическое сотрудничество: зарубежный опыт и проблемы России // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2009. № 2. С. 69-75.